

Клубника из редиски. Кира Меркун – о предвыборной селекции

Кира Меркун

5 минут(ы) назад

 Приоритетный источник в Google

"Послевоенный посттравматический рост" – популярная тема у российских психологов в канун выборов, новая для агитаторов. Посттравматический рост – это парадоксальная реакция на невыносимые условия жизни, когда вместо посттравматического стресса человек демонстрирует успешное преодоление трудностей, нарастание продуктивности, оптимизма, улучшение психологического и социального статуса.

Сама тема человека после войны звучит не только как предвестница конца бойни, но и как идеологема и даже предвыборное обещание: война пойдет на пользу значительному количеству людей, а, значит, оправданна. У одних ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство), у других ПТР (посттравматический рост)! Психологи-практики спекулятивно заявляют, что 20 процентов после войны покажут ПТР.

Но, во-первых, оптимизм после войны может оказаться эйфорией, реакцией на резкое снижение нагрузки, и не сопровождаться серьезной проработкой травмы. Эйфория носит краткосрочный характер и как парниковый эффект растворяется по мере утяжеления условий. Демонстративность расцвета как раз яркий признак того, что рост ложный, напоказ, без глубины.

Во-вторых, посттравматический рост демонстрируют в основном женщины, а не воюющие мужчины. Исторический опыт показал, что страну вытаскивали женщины, и справились. Героизируют, как правило, фронтовиков-мужчин, и чаще посмертно. Личностный рост же фиксируют у женщин в тылу. Женщин на фоне ослабленной мужской популяции, погибших, инвалидов классифицируют как сохранную, а по праздникам даже цветущую популяцию. Есть причина и более глубокая, почему женщины чаще выживают и восстанавливаются активней: работа посттравматического стресса (ПТСР) проходит по мужскому типу, а посттравматического роста (ПТР) – по женскому.

Американские психологи, авторы концепции посттравматического роста Лоуренс Кэлхун (Lawrence G. Calhoun) и Ричард Тедески (Richard G. Tedeschi) среди его условий выделяли способность к интеграции опыта, признание травмы частью личной истории; уверенность, что травма меняет жизнь, но не определяет будущее целиком; готовность адаптироваться к темпу переживания; осознание, что исцеление идет волнообразно, и периоды спада – это нормальная часть процесса выживания; чувство благодарности за помощь. Мужчины паникуют на спаде, когда силы уходят, уверенность снижается, реже признают ошибки и не откладывают трудные задачи на потом, чтобы подготовиться к прорыву, а долбят мерзлоту до победы. Они до последнего не просят о помощи. Женщины на спаде отдыхают, они знают точно, что будет подъем, нужно только поймать волну, и тогда потребуются силы. "Плохие" эмоции у женщин более легализованы: можно злиться, горевать, плакать и переживать бессилие без самоосуждения.

**“ Женщины всегда
востребованны, или они
воображают, что нужны
своим детям, внукам,
домашним питомцам,
даже погибшим мужьям**

Для женщин важно выражать чувства через доверительные разговоры, письма, дневники или творчество. Женщины копят возможности впрок, социальный капитал женщин, как правило, больше мужского. Они ищут силу в углублении связей с близкими, в семье и в поддержке окружающих. Женщины демонстрируют рост не потому, что требования к ним ниже,

ожидания слабее, а поддержка больше. Они постоянно "растут" после спада:

достигнуть дна, чтобы оттолкнуться и всплыть – это женский стиль выживания. Они быстрее и точнее "согласуются с реальностью", принимают травматический опыт как то, что нельзя изменить, но нужно пережить ради связи с близкими. Можно сказать, что женщины всегда востребованны, или они воображают, что нужны своим детям, внукам, домашним питомцам, даже погибшим мужьям, чтобы исполнить их желания. Социальная мотивация и лежит в основании женской гиперкомпенсации.

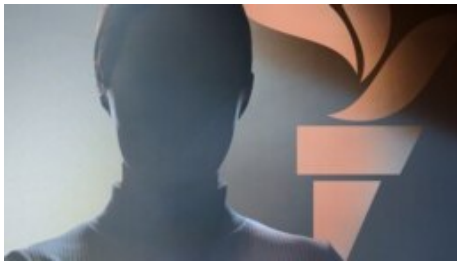
Интересно, что посттравматический рост демонстрируют в основном не молодые, физически сильные женщины, а те, кому 45+, а, по последней статистике, даже 54+. Возраст зрелости, как и молодости, сдвигается ближе к концу жизни, которая, если ее не прерывать ее насильно войной, может продлиться теперь до 80–90 лет.

Почему зрелые женщины дают сто очков вперед молодым, когда речь идет о преодолении трудностей? Потому что у них уже есть собственный опыт восстания из пепла. Материнство – идеальная модель роста после родовой травмы. Когда ребенок становится эпицентром жизни, чувствительность к собственным переживаниям снижается, женщина фокусируется на практиках заботы.

Мудрость – это обоснованное прошлым предвидение. Зрелые женщины знают, как важна поддержка, но не просят о помощи, как растерянные молодые, а предлагают ее. Помощь – лучший способ социальной инклюзии, и уж точно продуктивнее, чем истерика. Это принципиально другая ориентация в социальном пространстве: лучше открыть травмопункт вместо того, чтобы госпитализироваться в полевых условиях, повиснуть на ком-то случайном и ненадежном. Надежность зрелые женщины ценят больше внешнего успеха и обещаний счастья.

Молодые по наивности считают, что можно прожить, не исхлестав лица встречными ветками, ни разу не упасть, не растрепать модной прически, не сломать красивый ноготок. Ожидания зрелой женщины более реалистичны. Она точно знает, что упадет, что падать больно, но терпимо, что спасает не внешность, а сообразительность, цепкость, что характер важнее даже интеллекта. Она знает границы своих личных возможностей, и это делает ее пусть ограниченно, но непобедимой. Исследования показывают, что способность выживать – функция от опыта преодоления, а не от ума, везения, пресловутой эмпатии, физических данных. Так что с возрастом женщины профессионализируются не только через учебники психологии и тренинги, но и через собственные потери.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Граждане и твари. Кира Меркун – о буме зооволонтерства в России

Женщины часто проваливаются, ошибаются, оказываются загнанными в угол, в слабом положении, но проходит время, и их снова видят улыбающимися. Мужчины развиваются через одержимость целями, устойчивость. Несгибаемость дорого обходится во время войны. Жизнь для женщины это все, что откликается на ее чувства, а не достижение целей, краткий миг победы. Особенно, если способ победить – насилие.

Мужчины, заимствуя некоторые материнские черты, выживают и другим дают жить, когда становятся более добрыми и заботливыми, чем были прежде. У всякого ожесточения есть предел. Можно добивать слабых, срывать на них зло, упрекать в своих неудачах. А можно взять под крыло, пожалеть, найти слова утешения. Мужчины учатся у женщин милосердию.

Человек выживает за счет своей целостности, полноты натуры, а не узкой гендерной специализации.

Все вышесказанное очень льстит женскому уху, но удивительно напоминает агитационные выступления какого-нибудь мотивационного спикера на тренинге личностного роста для женщин, не правда ли? Основные посетители таких тренингов – как раз нерастраченные женщины 50+. Они же составляют большинство электората грядущих выборов, впрочем, как и всех предыдущих. Так будируют избирателей, вдувая в уши приятные посулы, используя психологов как агитаторов для быстрого подогрева избирательной активности у женщин.

Именно женщины станут главной тягловой силой государства после войны. Идет их мобилизация, и ставка, как всегда, и во время выборов, и в периоды спадов, в любую страду – на предпенсионеров, надежных, проверенных временем женщин, которые "и коня", и "в горящую избу", которым терять уже нечего, они уже все потеряли: мужа, красоту, надежду как минимум. Им государство обещает заменить отсутствующих мужчин.

А на деле это им предстоит заменить мужчин в государстве.

Доброго вам здоровья, бабоньки-дурь! В жестоких условиях войны женщины маскулинизируются, становятся молчаливыми и деятельными, решительными и бесстрашными как мужчины. Очень трудно потом выходить из пике, из агрессивной, даже вульгарной женщины превратиться в снисходительную, добрую, всепонимающую мать человеческую. Про посттравматический рост у женщин после войны есть романтический фильм Петра Тодоровского "[Военно-полевой роман](#)" (1983). Такая героиня и перемена в жизни равносильна чуду, это добрая фантазия художника, в которую не поверили даже оптимистичные американцы, не присудив фильму Оскар: ну, выдали замуж, а дальше-то что?

О том, что на самом деле происходило после той войны, о трагических женских судьбах есть в книге Светланы Алексиевич. Она [называла](#) посттравматический рост советских женщин второй войной.

“ Войны – это перверсии в истории человечества, результат искаженной картины мира прежде всего у идеологов и правителей

Апофеоз цинизма в превентивной женской мобилизации на фоне войны состоит в том, что после всех видов насилия в молодости, от сексуального до психологического, после того как женщина выстоит, поднимет детей, нарастит чувство достоинства и самооценку, ей на полном серьезе предлагают изображать радость и уверенность в будущем в пользу государства, которое снова

прячется за ее спиной.

Травма никуда не денется, останется внутренней стигмой. Человек может внешне состояться, не прекращая горевать. А гиперкомпенсация – это жизнь в более благоприятных послевоенных условиях, до которых еще нужно дожить, оставшись человеком. Посадите растение в теплицу, увидите, как оно быстро пойдет в гору, но и тогда редиска не станет клубникой, разве что разбухнет до размеров большой репы. Разрастется то, что было, сущность человека.

Войны – это перверсии в истории человечества, результат искаженной картины мира прежде всего у идеологов и правителей. Они как раз переживают перверсивный травматический рост, наливаясь заветной кровью в режиме онлайн, с каждой псевдопобедной сводкой...

Пока репа не треснет.

Кира Меркун (псевдоним) – психолог. Настоящее имя автора редакция не приводит из соображений его безопасности

Высказанные в рубрике "Блоги" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Этот контент также в категориях

Блоги

Мнения